

гибшего!»), что очень подходит в ситуации с Митей Карамазовым. Проникновенно звучат слова защитника о своеобразии русского суда: *«Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, спасение и возрождение погибших!»*.

В заключительных дебатах по делу прокурор пытается снизить значение и влияние эмоционального выступления защитника, доходит даже до цинизма. Прокурор по-своему трактует христианский подход к суду над человеком, цитируя Христа, велевшего *«мерить в ту меру, в которую и вам отмеряют»*. Далее прения прокурора и защитника переданы автором в третьем лице, что дает возможность подчеркнуть реакцию публики на различные реплики оппонентов – поддержку Фетюковича и, как замечает автор, ссылаясь на мнение дам, полный крах Ипполита Кирилловича.

Конец судебного заседания автор описывает сам: все были утомлены, и председатель суда *«был очень утомлен»*, Фетюкович принимал поздравления, шли обсуждения присутствующих. Обсуждения представлены в форме многочисленных реплик диалога, что показывает их активность. Вердикт присяжных «виновен» был неожиданностью на процессе, однако не стал неожиданностью для читателя, подготовленного автором к такой развязке. Во-первых, книга двенадцатая, в которой описан судебный процесс, называется «Судебная ошибка». Название отдельных глав, из которых состоит книга, также имеют значащие названия, например, «Внезапная катастрофа». Другие названия глав отражают последовательность судебной процедуры или отражают их содержание. В своих ремарках автор с самого начала замечает *«необыкновенную силу обвинения сравнительно со средствами, которые имела защита»*, или то, как *«все чувствовали неотразимость обвинения»*. Подробно представлены присяжные, среди них четыре чиновника, два купца, шесть крестьян и мещан. Это мелкие, незначительные люди, и их состав вызывает риторические вопросы автора: *«Что могут такие в таком деле?»*. *«Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дело будет отдано на роковое решение каким-то чиновникам и, наконец, мужикам, и что-де поймет тут какой-нибудь чиновник, тем более мужик?»*, – внутренне отрицает возможность подобного суда автор. Малозначащими оказываются, как свидетель-

ствует анализ их речей, и экспертизы несколько недалекого доктора Герценштрубе и молодого амбициозного врача Варвинского, чьи образы иронично описаны в романе.

Проанализировав сцены суда над Митей Карамазовым в романе Достоевского «Братья Карамазовы», речи героев, авторские ремарки и комментарии, художественную структуру романа, приходим к выводу о том, что, по Достоевскому, суд людской не оправдывает возложенной на него функции быть орудием справедливости. Здесь он подвержен людскому фактору, что невозможно при совершении истинного правосудия. Справедливость, по Достоевскому, не в юридической сфере, там, где важными оказываются понятия вины и наказания. Справедливость может быть перед самим собой, в осознании своих деяний, и перед Богом, а воздаяние наступит в другой, вечной жизни.

Учитывая эпичность изображения русской жизни в романе Достоевского «Братья Карамазовы», его несомненные художественные достоинства, которые отмечают все исследователи романа и творчества писателя, перспективы дальнейших его исследований практически неограниченны. Перспективами дальнейших исследований фрагмента русской картина мира «суд» предоставляет все многообразие русской литературы XIX века, где во многих произведениях показан суд пореформенной России и высказано отношение к нему автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского/М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1963, – 364 с.
2. Герашенко А.Е. Катарсис. Очищение через покаяние в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://samlib.ru/g/gerashenko_a_e/katarsis
3. Гроссман Л.П. Материалы к биографии Ф.М. Достоевского (даты и документы) //Ф.М. Достоевский. Собр.соч. в 10 тт. Т.10. – М.: Гос. изд-во Худ. литературы, 1958. – С.533 – 620.
4. Милетенский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского/Е.М. Милетинский. – М.: РГГУ, 2001. – 190с.
5. Jovanovic M. Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» - [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.utoronto.ca>

УДК 811.161.1'37

К. Ю. Голобородько

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Голобородько К. Ю.

МЕТОДОЛОГІЧНІ Й ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ АНАЛІЗУ ОКАЗІОНАЛЬНИХ ЯВИЩ

У статті висвітлено теоретичні засади теорії окказіональності, згідно з якою розглядаються

© Голобородько К.Ю., 2012

оказіональні явища різних типів та категорія окказіональності, котра має міжмовний характер і активно реалізується в художньому, публіцистичному та розмовному стилях. Лінгвістичним під'рунтям окказіональності є потенційність мовної системи, в результаті якої уможливується поєднання непеєднуваних у смисловому відношенні слів для досягнення комунікативно-художніх цілей.

Ключові слова: окказіоналізм, категорія окказіональності, художнє мовлення, валентність, сполучуваність.

Голобородько К. Ю.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье освещены теоретические основы теории окказиональности, в соответствии с которой рассматриваются окказиональные явления разных типов и категория окказиональности, которая имеет межъязыковой характер и активно реализуется в художественном, публицистическом и разговорном стилях. Лингвистической базой окказиональной сочетаемости является потенциальность языковой системы, в результате которой допускаются соединения несовместимых в смысловом отношении слов для достижения коммуникативно-художественных целей.

Ключевые слова: окказионализм, категория окказиональности, художественная речь, валентность, сочетаемость.

Goloborodko K. Y.

METHODOLOGICAL AND THEORETICAL PRINCIPLES OF THE ANALYSIS OF OCCASIONAL PHENOMENA

In the article the theoretical basis of the theory of occasionality is specified. According this theory, the occasional phenomena of different types and the category of occasionality that has interlingual character and is used in artistic, journalistic, colloquial style, are examined. The linguistic basis for the occasional combination is potential of lingual system that makes possible to combine incompatible words in the meaning sense for achievement of communicative and artistical purposes.

Key words: occasional word, category of occasionality, artistic style, valency, combination.

Изучение окказиональной сочетаемости лексем связано с целым рядом теоретических проблем, из которых основными являются: 1) проблема окказиональности; 2) проблема сочетаемости лексем; 3) проблема семантической структуры слова; 4) проблема слова в художественной речи. Именно эти аспекты используются нами при анализе окказиональных сочетаний, хотя ими не ограничивается круг вопросов, которые поднимаются в статье и которые могут возникнуть в последующей работе над темой.

Цель нашей работы — выявить и проанализировать теоретические основы изучения окказиональных явлений в целом и окказиональных сочетаний слов в частности.

Окказиональные сочетания слов занимают важное место в языковом творчестве современных писателей. Ставя слова в необычные семантические условия, писатели обогащают их смысловую структуру, развивают имплицитно заложенные в них возможности семантического и стилистического использования, усиливают экспрессию контекста в целом. Изучение этих сочетаний в художественной речи представляет большой интерес, ибо они всегда так или иначе подчинены решению определенных идейно-эстетических задач, раскрывают особенности художественного видения писателя, своеобразие его стиля. Оно необходимо также для решения теоретических задач: сочетаемости лексем, связи сочетательных возможностей с функционально-стилистическим употреблением

слова — в целом для решения общей проблемы «сложения смыслов», поставленной Л. В. Щербой.

Явление окказиональной сочетаемости имеет интралингвистические (теоретические) основы и экстралингвистические (практические) предпосылки. Интралингвистической основой окказиональной сочетаемости является потенциальность языковой системы. В результате этого свойства языка становится возможным: 1) образование окказиональных явлений различных типов; 2) существование категории окказиональности. Рассмотрим теоретические положения, которые лежат в основе изучения и образования окказиональных сочетаний слов.

Поиски упорядоченности и организованности в объективной действительности способствуют установлению определенных закономерностей, которые получили название категорий. В философии категория определяется как «предельно широкое понятие, в котором отражены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [21, с. 240].

По мере накопления фактов и степени изученности какого-либо явления «философские категории, преломленные в других науках, сначала получают статус соответствующих понятий данной науки, затем эти понятия постепенно воплощаются в своих, имманентных для данной науки категориях» [13, с. 13]. Таким образом, стало возможным появление многих лингвистических ка-

тегорий, большинство из которых соотносятся с различными разделами науки о языке, например, категория падежа, категория времени, категория модальности, категория разговорности и другие. Как известно, научное познание заключается не только и не столько в регистрации фактов действительности, но и в категоризации (в отнесении их к более общему — к той или другой категории).

Глубокий и разноаспектный научный анализ фактов речетворчества, проводившийся многими исследователями на значительном в количественном отношении фактическом материале, создал предпосылки для выделения объективно существующей лингвистической категории окказиональности. «В языке ничего нельзя назвать не подведя называемое под общую категорию» [27, с. 110].

В современной лингвистике существует несколько подходов к определению понятия «категория». Мы придерживаемся общелингвистической трактовки этого термина, данного в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» авторами словарной статьи Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым: «Категория (от греч. *kategoria*) языковая — в широком смысле — любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства» [22, с. 215]. Наиболее существенным критерием выделения лингвистических категорий авторами дефиниции признается наличие оппозиций у конкретных фактов, объединенных по единому признаку. Такой оппозицией у категории окказиональности является узуальность, которая широко объединяет в себе все устоявшееся, обычное, естественное в употреблении соответствующих языковых единиц.

Впервые вопрос о категории окказиональности был поставлен Э. И. Ханпирой в его работе «Окказиональное словообразование В. В. Маяковского (отыменные глаголы и причастия)» [30, с. 1].

Впоследствии, поддерживая данное предложение и продолжая разработку вопросов окказионалистски, А. Г. Лыков определяет указанную категорию как «наиболее общее понятие, объединяющее все виды проявления окказиональности в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, семантике» [23, с. 12].

В нашем исследовании принято следующее определение: окказиональность — классифицирующая лингвистическая категория, которая характеризуется речевым характером реализации и эстетически оправданной ненормативностью, свидетельствует о потенциальности языковой системы, проявляется на различных ее уровнях. Окказиональность свойственна художественной речи.

В связи с тем, что существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков, рассмотрим специфические

признаки данной категории.

Окказиональные явления различных типов возникают в результате противоречия между возможностью образования языковых фактов и ее осуществлением. «Категория окказиональности базируется на известной незаданности речевого факта системой языка» [23, с. 12] и сводится к преодолению различного рода ограничений при соединении единиц в процессе речевого функционирования. Сфера ее активного действия — индивидуальная речь, в которой реализуются возможности языковой системы, противоречащие традиции и норме.

Явления окказиональности и ненормативности взаимосвязаны между собой, но не тождественны. Факты ненормативности могут возникать в результате появления новых элементов с определенной художественной целью или в результате допущенных речевых ошибок. Окказиональность же, являясь аспектом неологии, включает в себя только новые ненормативные явления, возникающие в речи с эстетической установкой. Ошибочность, возникающая преимущественно в результате недостаточной грамотности, отлична от окказиональности. Передачу ошибочности речи в произведениях художественной литературы следует считать, на наш взгляд, стилистическим приемом, но не проявлением окказиональности.

Окказионализмы различных типов, в т. ч. и окказиональные сочетания слов, следует отнести, на наш взгляд, к экспериментально-художественным изысканиям, возникающим в сознании писателя как противоречие между нормой, отражением объективно существующего характера языка, и ее кодификацией, осознанной необходимостью, отраженной в лингвистическом сознании носителей языка. Интересны в этом отношении высказывания самих писателей и поэтов о «муках творчества», о трудностях преодоления языкового материала в процессе создания художественного образа, проявившихся в нарушении устоявшихся канонов, стандартов, клише. Например, А. А. Фет так оценивал свое творческое начало: «Тот, кто прочтет только несколько моих стихотворений, убедиться, что мое наслаждение состоит в стремлении наперекор будничной логике и грамматике» [27, с. 450–451]. Интересно в этом отношении и замечание Ф. М. Достоевского: «У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил!» [32, с. 133]. В. Г. Белинский не раз говорил о «неправильностях» в языке Н. В. Гоголя, но при этом отмечал красоту и выразительность его стиля [4, с. 38]. А. А. Блок о своей манере работы над поэтическим текстом замечает: «Для меня дело обстоит так: всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать, иначе го-

воря, мне так поется» [6, с. 301].

Представители различных школ и литературно-художественных направлений XX века — футуристы, структуралисты, постструктуралисты, современные авангардисты абсолютизируют использование языковых ошибок и отклонение от норм, что находит отражение в их манифестах: «Мы перестали рассматривать словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам... Мы расшатали синтаксис»; «Ломать грамматику», «Все дороги ведут в Рим — грамматика должна быть уничтожена», «Аграмматичность выдает смысл с головой в руки образа» [7, с. 101–102].

В. А. Звягинцев полагает, что суть позиции некоторых структуралистов может быть сведена к парадоксальной формуле: «Стиль — это система «искажений» правильного смысла в целях создания эстетического эффекта» [16, с. 87].

Лингвисты и исследователи языка художественной литературы неоднократно обращали внимание на самобытность, нестандартность, ненормативность произведений словесного творчества и искусства вообще. «Во всяком искусстве есть своя условная неправда, которая, составляет природу этого искусства и, стало быть, с другой точки зрения есть высшая правда» [26, с. 139]. В начале XX века Е. В. Аничков (субъективно считавший себя последователем А. Н. Веселовского) утверждает как нечто непреложное: «Либо отсутствие личности и, стало быть, отсутствие тайны творчества и тогда грамматика, логичность, правильность, отвлеченность знания и заученности, либо напротив, проявление личности и, тогда она выразится в своей собственной ею самой изобретенной антиграмматичности, нелогичности и неправильности» [1, с. 426]. Более тридцати лет спустя Л. В. Щерба пишет: «Авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует... Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть особенных отступлений от нее» [33, с. 10]. По верному замечанию Г. О. Винокура, в поэтической речи «не только оживляется все механическое, но и узаконивается все произвольное и случайное» [11, с. 253]. Вообще язык художественной литературы со свойственной ему «установкой на выражение», — отмечает В. В. Виноградов, имеет законное право на «деформацию, на нарушение общелитературных языковых норм» [8, с. 15].

В ряде современных зарубежных лингвистических концепций художественная речь понимается как совокупность отклонений от нормы и, по выражению Шарля Балли, «почти всегда в какой-то мере отклоняется от нормы хорошего слога» [3, с. 219].

Ж. Козн в известной работе «Структура поэтического языка» пишет: «язык поэта анома-

лен, и это делает его стилем, следовательно, стилистика — наука о языковых отклонениях» [29, с. 4].

Но установка только лишь на неправильность даже с эстетической целью не может быть доминирующей в художественной речи. Для адекватного восприятия словесного творчества в текстах должны быть преимущественно общеупотребительные речевые факты. Язык художественной литературы отличается в то же время строгой нормативностью, которая заключается в требовании высокой точности, четкости, тщательной отобранности слова, безукоризненной грамотности и совершенства авторской речи. Творчество русских классиков — Чехова, Достоевского, Тургенева, Толстого и других — во многом служит основой для отбора фактов нормативного словоупотребления и в качестве примеров используется в лексикографических изданиях. Но и в их произведениях встречаются отступления от нормы с определенной художественно-эстетической целью.

Современное языкознание освободилось от догматического представления о неизбежности норм литературной речи, в особенности применительно к языку художественных произведений. «Изменение нормативных понятий в области художественно-речевого творчества идет иным путем, чем изменение норм в языковом употреблении вообще» [10, с. 280]. Нормы поэтической речи доминируют в произведениях словесного творчества над нормами литературными, подчиняют их себе. Специфика этих норм связана с особенностями организации словесного искусства, с особенностями его элементарных единиц и их функционирования: «Отступая в силу тех или иных причин и художественных задач от норм литературного языка и правил, писатель должен внутренне, эстетически оправдать свои речевые новшества, свои нарушения общей национально-языковой нормы» [9, с. 840]. Т. Г. Винокур говорит о норме языка художественной литературы, которая приемлет отклонения от общеязыковой нормы и при этом содействует выполнению эстетических задач.

Нормативность художественной речи складывается из критериев и норм иного порядка, которые обусловлены особым положением и ролью художественной речи по отношению к литературному языку и его стилям. Высшей нормой языка художественной литературы является, как справедливо отмечает Л. Ю. Максимов, «эстетическая мотивированность того или иного языкового средства, обеспечивающего индивидуальность выражения» [24, с. 15]. Только этой высшей нормой объясняется недопустимость стандарта, стереотипа, шаблона, употребление разнообразных нормативных и ненормативных языковых средств с целью художественного отражения человеческого бытия,

а также личности и самобытности художественного мышления писателя.

Таким образом, категория окказиональности является проявлением ненормативности по отношению к нормам русского литературного языка, но существует в пределах норм художественной речи, выполняя эстетическую функцию.

Категория окказиональности соотносится с категорией индивидуального. Будучи сопряженными между собой, эти категории находятся в дистрибутивных отношениях, но не тождественны друг другу. Окказиональное — это нестандартное, необычное, отличное от нормы и узуса. Категория индивидуального отмечает принадлежность конкретных речетворческих фактов к определенному автору. Как утверждает Н. Асеев, каждый писатель вносит «в словарь и в свой синтаксис те неповторимые черты, которые позволяют узнавать текст и без подписи» [2, с. 445]. Являясь более широким понятием, индивидуально-авторское включает в себя явления как ненормативные, так и нормативные, частотно употребляемые, излюбленные прозаиком или поэтом приемы лингвистической актуализации, т.е. совмещает и окказиональные, и узуальные проявления языковых возможностей. Кроме того, индивидуальное — не простое соединение окказионального и узуального, поскольку это категории различных планов. Узуальное может не обладать индивидуально-авторскими характеристиками у конкретного творца. Индивидуальное характеризует явление с точки зрения принадлежности к конкретному автору и противостоит категории общего, общеупотребительного. Категория окказиональности оценивает факт речи с точки зрения нормы. Общим для этих двух понятий — окказионального и индивидуального — является художественно-эстетическая установка автора на процесс создания и реализации языковых потенциалов в произведении словесного творчества.

Проведенный Э. И. Ханпирой и некоторыми другими исследователями анализ свидетельствует, что данная категория проявляется на всех уровнях структуры языка. Нами выявлены из поэтических текстов С. Кирсанова и проанализированы различные типы окказионализмов.

Такие характеризующие признаки окказиональности, как принадлежность к речи и ненормативность, в большинстве случаев являются фиксированными, относительно постоянными для данного явления на конкретном временном отрезке, поэтому следует признать их классифицирующими признаками. «Если категориальный признак является для значительного числа элементов классифицирующим, то и категория в целом называется классифицирующей» [22, с. 216].

В русистике окказиональность как категория художественной речи анализируется и служит

объектом изучения в различных ее родах и жанрах — прозе, поэзии, драматургии, в эпистолярном жанре.

Способность к образованию новых слов и появлению окказионализмов различных типов характера не только для русского языка. Исследователи отмечают факты окказиональности в близкородственных языках — украинском и белорусском, в других славянских языках — польском, чешском, а также в неродственных, принадлежащих к различным языковым семьям и группам — в английском, немецком, французском, испанском, казахском, абхазском. Изучению вопросов окказионалистики в этих и других языках посвящены многие научные исследования, статьи и монографии. По нашему предположению, категория окказиональности носит межъязыковой характер.

Практически неисследованными являются факты окказиональной лексико-семантической сочетаемости как одной из форм реализации категории окказиональности. Современное состояние теории сочетаемости позволило нам подойти к рассмотрению данной проблемы.

Проблемы сочетаемости языковых единиц связаны с понятием языковой валентности, которое введено в 1948 году С. Д. Кацнельсоном [19].

Существенным для нашего понимания проблемы является определение понятий валентность и сочетаемость. При этом понимание валентности, как и ее отношение к сочетаемости, не является однозначным.

Наиболее распространена в лингвистике точка зрения, согласно которой валентность понимается как способность единицы языка (слова) вступать в соединение с другими единицами языка (словами). Причем имеется в виду как их структура, так и их семантика.

Валентность — это факт языка. В речи выступают не возможности связей, а непосредственно связи. Конкретная реализация валентности в речи квалифицируется как сочетаемость. Отношение валентности к сочетаемости — это отношение потенции к реализации, возможности к действительности.

Сочетания лексем рассматриваются в современной лингвистике на разных языковых уровнях: в лексикологии и семасиологии, фразеологии, синтаксисе. Само существование проблемы показывает, что словообразование, фразеология и синтаксис не только взаимосвязаны, но и взаимопроницаемы. Их объединяет и то, что на каждом из этих уровней соединение языковых элементов предыдущего уровня приводит к новому качеству, создает новую сущность на уровне языка или на уровне речи. Первоначально теория сочетаемости и валентного анализа разрабатывалась на синтаксическом уровне применительно к глаголу, что объясняется спецификой этой части речи. «Изучая пра-

вила сочетаемости слов и форм слов, — пишет В. В. Виноградов, — синтаксис, естественно, прежде всего, обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения» [14, с. 10].

Впоследствии под синтаксическую основу учеными подводится семантическая платформа (Ю. Д. Апресян, В. Д. Аракин, В. Г. Гак, Г. Зандау, К. Е. Зоммерфельдт, М. М. Копыленко, М. Д. Степанова). Задачей синтагматического анализа становится не только собственно синтаксическая сочетаемость, но и рассмотрение семантических признаков слов, которые определяют ее в речевой деятельности. На лексико-семантическом уровне сочетаемость проявляется в избирательности лексем — компоненты сочетания должны не иметь противоречащих сем, например, глагол или прилагательное, обозначающее действие или свойства живого существа, сочетается с существительным одушевленным. В противном случае нарушается норма или переосмысливается один из компонентов. Семантический подход к проблеме сочетаемости позволяет также быстро реагировать на изменения, происходящие в языке, в его семантической системе, помогает лучше оценить выразительные свойства художественной речи. «Лишь семантический анализ образно-лексического строя произведения, — писал А. М. Пешковский, — может привести к пониманию его содержания» [25, с. 159–160]. «В языковой норме закреплено то, что уже соединено в мышлении, а система содержит потенцию к дальнейшему пополнению ряда. Это вытекает из связи языка и мышления, из необходимости номинации, из номинативной функции слова и словосочетания. Лексический уровень системы поставляет слова, а синтаксический оформляет их сочетания, разрешенные лексико-семантической системой» [31, с. 299].

«Сочетаемость слов — явление сложное, разноплановое, отражает диалектичность положения слова в языковой системе и в речевой коммуникации, где оно обретает свою подлинную, действительную жизнь» [5, с. 67].

Сочетаемость может быть как узуальная, так и окказиональная, что проявляется и в синтаксисе, и в семантике структурных единиц. При нормативной (узуальной) лексико-семантической сочетаемости между словами не должно быть смысловой несовместимости, смыслового барьера с точки зрения семантической системы языка. При окказиональной сочетаемости происходит преодоление смысловых барьеров, в результате чего автору удается создать эстетический эффект.

Лингвистической основой окказиональной сочетаемости является потенциальность языковой системы, в результате которой допускаются соеди-

нения несовместимых в смысловом отношении слов для достижения коммуникативно-художественных целей. Подтверждением этому является существование категории окказиональности, отражающей потенциальность языка на всех его уровнях.

Окказиональные сочетания встречаются преимущественно в художественной, разговорной речи и в публицистике. Но основная область образования и употребления окказиональных сочетаний слов — это художественная речь. Писатели и поэты, преследуя художественно-эстетические цели, как бы сознательно выходят за пределы нормативного литературного языка. Это обновление связей создает окказиональные сочетания лексем. Окказиональные явления, в т. ч. и окказиональные сочетания слов, встречаются преимущественно в художественной речи, реже в разговорной и публицистической. В числе основных черт художественной речи М. А. Карпенко называет следующие: преобразования в художественном тексте всех его компонентов, в частности, оценочно-смысловой структуры слова, расширение диапазона лексической и синтаксической сочетаемости [18, с. 4].

В поэтической речи принцип новизны является одним из самых принципиальных требований. «Любое поэтическое произведение должно быть оригинальным по своему содержанию и по своей форме — таков основной закон поэтического творчества» [28, с. 32].

Языковая организация поэтического текста складывается из взаимодействия разноуровневых средств. Одним из заслуживающих внимания аспектов структуры текста можно считать его синтагматику, специфика которой во многом определяет стилистическое своеобразие художественного произведения. В поэтических творениях мастеров художественного слова, т. е. поэтов оригинальных и самобытных, чье творчество оставило заметный след в истории развития литературы, присутствует значительное количество словосочетаний, отличающихся нестандартным употреблением, что оправдано художественными специфическими задачами. Такие словосочетания показывают художественное своеобразное видение писателя и, в конечном счете, характеризуют его творческий метод. Сочетание компонентов обусловлено рядом специфических факторов, важнейшим из которых является авторский идиостиль. Выразительная сочетаемость слов в поэзии служит реализации авторского замысла, сопрягается с мироощущением создателя произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков Е. В. Историческая поэтика Александра Николаевича Веселовского / Е. В. Аничков // Вопросы теории и психологии

- творчества, — Вып. 1. — Харьков: Губернская типография, 1907. — С. 322–430.
2. Асеев Н. Н. Зачем и кому нужна поэзия / Н. Н. Асеев // Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Художественная литература. — Т. 5. — С. 387–496.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Шарль Балли; [пер. с франц. К. А. Долинина]; под ред. Е. Г. Эткинда. — М.: Издательство иностранной литературы, 1961. — 394 с.
4. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 году / В. Г. Белинский // Собрание сочинений: В 9 т. — М.: Художественная литература, 1981 — Т. 7. — С. 7–58.
5. Бельчиков Ю. А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения / Ю. А. Бельчиков. — М.: Русский язык. — 1988. — 159 с.
6. Блок А. А. Собрание сочинений / А. А. Блок; [В 8 т.] — М.-Л.: Гослитиздат, Ленинградское отделение. — Т. 8. — 771 с.
7. Бродский Н. Л. От символизма до «Октября» (Литературные манифесты) / Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. — М.: Новая Москва, 1924. — 303 с.
8. Виноградов В. В. Литературный язык и язык художественной литературы / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1955. — № 4. — С. 12–20.
9. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — М.: Издательство АН СССР, 1963. — 255 с.
10. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — М.: Наука, 1980. — 237 с.
11. Винокур Г. О. Об изучении литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959 — С. 229–256.
12. Вокальчук Г. М. Авторський неологізм в українській поезії ХХ століття (лексикографічний аспект): монографія / Г. М. Вокальчук. — Рівне: Перспектива, 2004. — 524 с.
13. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
14. Грамматика русского языка / Редкол. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина — Т. 2. Синтаксис. — Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 704 с.
15. Дорофеев Ю. В. Роль инноваций в развитии языковой системы / Ю. В. Дорофеев // Східнослов'янська філологія: Зб. наук. праць. — Горлівка: Вид-во ГДПШМ, 2006. — Вип. 7: Мовознавство. — С. 32–37.
16. Звегинцев В. А. Язык и общественный опыт / В. А. Звегинцев. — М.: Наука, 1970. — 310 с.
17. Калетнік А. А. Неокласична неологія: лінгвістичний статус: монографія / А. А. Калетнік. — К., 2008. — 304 с.
18. Карпенко М. А. Горький и русский литературный язык советской эпохи / М. А. Карпенко. — К.: Издательство Киевского университета, 1972. — 216 с.
19. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — М.-Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1965. — 110 с.
20. Колоїз Ж. В. Українська оказіональна деривація: монографія / Ж. В. Колоїз. — К.: Акцент, 2007. — 311 с.
21. Кондаков Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — 418 с.
22. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 684 с.
23. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. — М.: Высшая школа, 1976. — 119 с.
24. Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы / Л. Ю. Максимов // Русский язык в национальной школе. — 1967. — № 1. — С. 5–12.
25. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики, стилистики / А. М. Пешковский. — М.-Л.: Госиздат, 1930. — 176 с.
26. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потехня. — Т. 4. — Вып. 1. — М.: Просвещение, 1985. — 287 с.
27. Русский семантический словарь: Опыт построения тезауруса: от понятия к слову. — М.: Наука, 1983. — 566 с.
28. Стехин Ю. К. Словоупотребление в современной русской стихотворной речи: Дис. ... д-ра филол. наук по спец. 10.02.01 «Русский язык» / Юрий Кириллович Стехин. — Днепропетровск, 1979. — 485 с.
29. Тарасов Л. Ф. Поэтическая речь. Типологический аспект / Л. Ф. Тарасов. — Харьков: Вища школа, Издательство при Харьковском университете, 1976. — 139 с.
30. Ханпира Э. И. Окказиональное словообразование В. Маяковского (отыменные глаголы и причастия): Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Э. И. Ханпира. — М.: 1960. — 16 с.
31. Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи / Э. И. Ханпира // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). — М.: Наука, 1972. — С. 175–244.
32. Чехихин-Ветринский В. Е. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах / В. Е. Чехихин-Ветринский. — [2-е изд.]. — М.: Госиздат, 1923. — 308 с.
33. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики / Л. В. Щерба // Русский язык в школе. — 1939, № 1. — С. 10–22.